

Наталья Алексеевна НЕПОМНЯЩИХ¹

УДК 82:316.3+82.08

ОБРАЗ ГОРОДА В ПРОЗЕ С. Н. ДУРЫЛИНА

¹ кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт филологии СО РАН (г. Новосибирск)
alkat@ngs.ru; ORCID: 0000-0001-5958-0554

Аннотация

Мотивный и семиотический анализ прозы С. Н. Дурылина позволяют выявить в его прозе повторяющиеся в описаниях провинциальных городов мотивы: колокольный звон обозначает связь земного с небесным; золото, серебро, сияние — знак принадлежности к горнему миру, яркие цвета — знак полноты и расцвета жизни, благополучия города и его жителей. Действие в повестях «Сударь-кот», «Записках Ельчанинова» («Чертог памяти моей») и романе «Колокола» С. Н. Дурылина происходит в маленьких уездных городах. Устроены эти города похожим образом, их благостный облик резко контрастирует с предшествующей литературной традицией изображения русской провинции, например, знаковым «Городком Окуровым» М. Горького, по отношению к которому Дурылин полемичен. У Дурылина земной город, как и вся земная жизнь, всегда отражение небесного, высшего: образец для провинциальных городков — Хлынова, Калуги, Темьяна — незримый град Китеж, образ которого писатель создает еще в 1916 году в «Сказании о невидимом граде Китеже». Мысль о небесной сути земного облика каждого из дурылинских городков воплощается посредством цветового и звукового кодов. Цветовые и звуковые образы у Дурылина противопоставлены таковым же в «Городке Окурове» М. Горького и аналогичным образам в романе «Колокола» И. В. Евдокимова (1926). Мир городской жизни в прозе Дурылина светел, многоцветен и гармоничен, «хмури» и тьма приходят в города как предвестник беды и социальных катаклизмов, тогда как в прозе Горького и традиции, следующей за ним, провинция — это «звериная глушь», темная во всех смыслах этого слова.

Цитирование: Непомнящих Н. А. Образ города в прозе С. Н. Дурылина / Н. А. Непомнящих // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 136-149.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-136-149

Ключевые слова

С. Н. Дурылин, образ города, провинция в русской литературе, М. Горький, «Городок Окуров», символика цвета, мотив колокольного звона.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-136-149

Введение

«Под небом голубым есть город золотой»: незримый Град Китеж как прообраз города в прозе С. Н. Дурылина

В «Сказании о невидимом граде Китеже» С. Н. Дурылина — переложении известной легенды, уже заявлены те художественные принципы, которые не только формируют образ города в его повестях и романе «Колокола», но и определяют характер всей его будущей прозы. В художественных произведениях С. Н. Дурылин создает идеальный мир, оглядываясь в прошлое, видит только хорошее и доброе. По его убеждению, русская литература всегда была исполнена христианского духа, давала образцы истинной религиозной добродетели, поскольку вобрала в себя лучшее из народной культуры: «„Зосима“ Достоевского, „Оптина“ Леонтьева, „праведники“ Лескова, Пушкина, Достоевского, того же Толстого, — народное золото, алмазы до дна народного моря...» [2, с. 273]. Образы праведников, созданные Н. С. Лесковым, и в целом лесковское творчество во многом повлияли на дурылинскую прозу, по его собственному признанию, он стремился создавать только положительные образцы: «Я начал осенью повесть <...> Теперь ее перечел — и подумал: какие у меня все хорошие люди! А ведь есть на свете и плохие, и даже отвратительные! Писатель должен кажется, давать и отвратительных, но я не могу. Остается, значит, выбирать темы, где отвратительным просто нет и места, где уклад жизни, напев жизненный умиряет и разотвращает отвратительное» [3, с. 857]. Название города Хлынова — это историческое название города Вятка, и литературное имя города из повести Д. Мордовцева «Москва слезам не верит». В повести Мордовцева Хлынов с его старинным укладом жизни противостоит Москве, однако в ходе осады гибнет. Возможно, что этот беллетристический источник мог повлиять на выбор названия города Хлынова в «Сударе-коте».

У Дурылина земной город, как и вся земная жизнь, всегда отражение небесного, высшего: образец, который он сам создал и который станет прототипом для провинциальных городков его прозы — Хлынова, Калуги, Темьяна — это незримый Китеж. Исчезнувший Незримый Град воплощает в себе тот идеал, который хотя и невозможен в реальности, но вместе с тем задает ориентир для человеческих устремлений, это тот образец, который проступает за земными реалиями в знаках и символах.

В изображении самого града Китежа в «Сказании...» важны не детали, описывающие его устройство, топографию, здания, — их нет, а обобщенные формулы, похожие на эпические былинные и сказочные повторы. В описании

города много эпитетов: «Храмы Божий *золотыми* крестами в *синее* небо смотрят, колокольный звон над городом, как облако густое, плывет... Палаты княжеские, как жар *златоверхой* кровлей горят, стены *белые* город хранят» [4, с. 58]. Город «горит», «сияет» золотом и серебром. В тексте всего «Сказания...» множество инверсий, сравнений, эпитетов, что характерно для фольклора и стилизаций под него. Эта стилистика будет сохранена в более поздней прозе Дурылина в описании города Хлынова в повести «Сударь-кот» и в большей степени при описании города Темьяна в романе «Колокола». В романе и повести даны не реалистические «портреты» российских дореволюционных провинциальных городов, а мифологизированные, идеальные их образы, такие, какими писатель хотел их помнить, по отношению к ним также справедливы слова «Сказания...»: «Славился Большой Китеж, а красой своей несказанной, церквами Божьими златоверхими, звоном Успенским радостным, а больше всего — чистою жизнью мудрой и праведной, китежской» [4, с. 59].

«Сказание...» начинается описанием озера Светлояр, того самого, на берегу которого выстроен сказочный град. Почти дословно это описание перейдет в финал романа «Колокола»: здесь те же самые «янтарные» капли смолы, «розовые» стволы сосен, «золотые» полосы «желтеющих» полей, «алые ковры» «краснеющей» земляники. Лейтмотивами становятся эпитеты «тихое», «чистое» (концепты «тихости» и «чистоты» чрезвычайно важны у Дурылина), а также «серебряное» и другие производные от слова «серебро», в том числе глагол «серебрится» [3, с. 683-684]. Изобилие цветowych эпитетов и глаголов, обозначающих цвет, привязка к слову «серебро» и в целом лексике со значением блеска и характеристике «светлое» (озеро «играет на солнце», горит, блестит, сияет) служит для создания сказочно-легендарного колорита, создают фольклорно-народную стилистическую окраску, одновременно постулируя, что святое место у Дурылина должно быть многоцветно и красочно.

Легендарное озеро в «Сказании...» выглядит необычно: оно чрезвычайно чистое, прозрачное, в нем не купаются люди, к нему не прикасаются звери и птицы. К тому, что оно волшебное подготавливает идиллический красочный пейзаж, в котором нет ни единого изъяна. В романе «Колокола» в светлом серебряном озере утонули по дороге на переплавку снятые с колокольни главные колокола Темьяна, и в нем теперь можно услышать колокольный звон, подобно тому, как в Светлояре слышен звон колоколов Китежа. Точно так же, как в легендарном озере, где не каждому покажется праведный град, не каждому будет слышен колокольный звон Темьяна, а лишь «чистому душой» праведнику. В «Колоколах» этот звон слышит юродивый.

Методы

Поскольку цель исследования — охарактеризовать образ города в дурылинской прозе, необходимо понять, какими художественными средствами этот образ создается как в каждом конкретном произведении, так и во всем корпусе его текстов. Среди методов, с помощью которых возможно проанализировать

в целом корпус художественных и мемуарных текстов, в первую очередь может быть назван *мотивный анализ*, поскольку он позволяет выявить повторяющиеся элементы в разных текстах автора: повторяемость — одна из неотъемлемых характеристик мотива. Таким повторяющимся конституирующим мотивом в создании образа города у Дурылина служит мотив колокольного звона — та незримая вертикаль, что связывает земное и небесное. Кроме того, *семиотический анализ* богатой дурылинской цветовой палитры (цветовые эпитеты, сравнения, метафоры и др.) позволяет выделить доминирующие характеристики в описании провинциальных городов в повести «Сударь-кот» и романе «Колокола»: так, золотой и серебряный цвет, уподобление серебру или золоту, всегда будут отсылкой к миру горнему, а богатство цветовой гаммы в описании городов — это одно из средств «эмоционального кодирования», призванное показать праздничность, полноту и многообразие провинциальной жизни. Как антиномии многоцветию благополучного дореволюционного существования выступают «хмурь», сумрак, тьма, пришедшие вместе с первой мировой войной и революционными переменами.

Результаты исследования и их обсуждение

*Цветовой код и мотив колокольного звона
в создании образа «праведного города»*

Описание озера в обоих дурылинских произведениях: «Сказании...» и «Колоколах» — избыточно многоцветны. В его прозе прослеживается такая закономерность: как в повести «Сударь-кот», так и в романе «Колокола», чем более благополучно идет жизнь города, тем более она красочна и похожа на яркий праздник, ее пестрота — проявление ее полноты и разнообразия. Чем чище и ярче оттенки, тем ближе герои к Богу, чем святее место, тем более ярким будет его описание. Возможно, это связано отчасти с дурылинским интересом и увлечением иконописью. Его проза испещрена теми специфическими словечками, которыми называли краски или их оттенки, в том числе и в описаниях икон: желть, празелень и другие. Диалектное слово «бель» он также использует для обозначения цвета и света. Цвета в описаниях его пейзажей часто сочетаются так же, как на русских иконах: красное с золотым, синее с серебром и золотом. Но в художественных текстах Дурылина названия красок и их оттенков, как правило, возникают вовсе не в связи с иконографией: он раскрашивает ими совсем другие изображения — описания маленьких городков, где происходит действие его повестей. Их характеристики всегда прежде всего цветковые, так показан глазами звонаря Темьян с большой высоты колокольни: город складывается из цветковых пятен, словно пестрая мозаика:

«Холстомеров сел на скамейку под колоколами, возле перил у пролета, и смотрел на город. Весна **зазеленила и забелила** все сады. <...> Иван Филимоныч любовался садами и переходил то к одному пролету, то к другому; в третий пролет **сверкали золотом купола собора**, и **синела** дальняя

бечевка Темьяна, перевязавшая **зеленую** ровную ткань лугов, а в четвертый — **серела** широкая соборная площадь с **белыми**, Екатерининской стройки, присутственными местами. <...> У одного **зелено**, у другого — **бело**»¹ [3, с. 485].

В «Сударе-коте» юный рассказчик видит монастырь и собор в начале осени, когда растительность вокруг особенно причудливо разноцветна: «К собору вела дорожка под кленами, которые все еще были густы, все в золотом и красном» [3, с. 252]. По богатству цветовой палитры в прозе Дурылин близок к Андрею Белому. У Дурылина даже глаголы передают цвет: его мир белеет, сереет, розовеет, голубеет, зеленеет, краснеет, алеет, желтеет, рыжеет, золотится и даже «алмазится», — последнее слово встречается, помимо прозы Дурылина только у А. Белого². Рассказывая о богатой пасхальной иллюминации, его герой произносит слова «цветливый», «звездистость», «алмазится» — ему не хватает обычных слов для того, чтоб передать всю красоту и многоцветность праздничных огней. Мох на полянке возле озера в «Колоколах» «рыжел, зеленел, краснел, голубел» одновременно, а в самом описании озера, занимающем менее странички, более полутора десятка различных цветowych эпитетов:

«На вырубленных полянках земляника крупнела около пнищ, и мох **рыжел, зеленел, краснел, голубел**. Малинник вставал живыми стенками, весь опутанный легкими паутинками повилики, — и рядом с **красными** спелыми головками малины, там и тут, выглядывали тонкие, **лиловые и бледно-розовые** цветики повилики. Опушка замелькала **ярко-зелеными** солнечными пятнами за последним частоколом сосен, но Испуганная не вышла на опушку, а взяла вдоль по частоколу, — и вдруг, из-за стройных стволов, **розовых** и теплых от зноя, яркая зелень сменилась мягкой, **серебряной синевой**. Это было озеро. Тут Испуганная вышла из частокола. Лес обрывался над озером тремя крутыми холмами. По другую сторону продолжали **синь озера голубоватые полосы льна**, взбегавшие на пригорок. От воды их отделяла **золотая** дорожка песка. Глянув на озеро, Испуганная перекрестилась. И все перекрестились» [3, с. 683-684].

Рябь на озере — это «голубое серебро», рябь «серебристая», вокруг озера «малиновые головки иван-чая», а небо над ним — «синее, золотимое вечеряющим солнцем». Золото и серебро в художественном мире Дурылина — особый знак принадлежности к горнему: традиционно золотятся на фоне синего неба в его книгах купола церквей, кресты, а крестный ход, наблюдаемый с колокольни похож на «золотую ящерку», золотится хвост кометы, в котором горожане видят «золотой перст божий» и «золотой меч». «Золотым» бывает пасхальный удар колокола — «золотой клич», «золотистым» — пасхальный

¹ Все выделения в цитатах наши — Н. Н.

² См. Белый А. Собрание сочинений в 6 тт. М., 2004. Т.4 «Маски». С. 95. Или стихотворение «Подъем», где есть «алмазющиеся» — причастие, встречающееся также в тексте романа Дурылина «Колокола».

звон. Теми же самыми «серебряными» эпитетами и сравнениями, что и озеро Светлояр в «Сказании...», описаны в романе «Колокола» колокольные звоны легендарного темьянского звонаря Власа, сохраняемые и другими звонарями после его смерти:

«Потекла вдруг в воздухе *светлая* и широкая река, зарыбилась *серебристой* рябью, рябь сменилась *белыми* всплесками, всплески — дружными *белоголовыми* волнами, догонявшими одна другую. Река потекла, *сверкая, пенясь и играя на солнце*, широкая и вольная» [3, с. 472].

Жизнь дурылинского города всегда сосредоточена вокруг собора, монастыря, колокольни. Его пространство осеняют крест и благовест, и сама жизнь в городе возможна только пока ее хранят эти обереги: простирается над городом звон колоколов и видны кресты на церквях. Это та незримая вертикаль, которая связывает небесное и земное. Звон спасает душу тем, что омывает ее: один из героев прямо называет его «баней» и «душем», смывающими с души грязь, а в самом начале романа говорится об очищающей силе звона:

«Звон окутывал Темьян *светлым* облаком. Как из недостижимо высокой тучи, лился звон сверкающим дождем над домами и лачугами Темьяна, и *играющие на солнце* или печальные от вечернего сумрака капли падали на прохожих и оставляли *светлый*, хоть и мгновенный *след свежести и чистоты* на их лицах, *зачернелых* копотью обыденной суеты и повседневной беды» [3, с. 469].

Колокольный звон, по замечанию И. В. Мотеюнайте, не просто объединяет жителей города, он придает существованию темьянцев метафизическое измерение [6, с. 339], поднимает их над «копотью обыденной суеты». Что звон колокола, что крест, слышимый или видимый издали, не дают заплутать человеку и в прямом смысле (в романе неоднократно звонари звонят в колокол, чтобы никто не заблудился в метель, подобно тому, как в «Сказании...» говорится, как крест на высоком куполе собора виден отовсюду и служит ориентиром в окрестных лесах для путников), и в переносном — оберегают душу.

Собор — это всегда центр дурылинского мира и мира его героев: «Соборная колокольня высока, и *золотой* купол ее ярко *горит* над Темьяном» [3, с. 469]. В книге воспоминаний «В родном углу. Чем жила и дышала прежняя Москва» дана модель дурылинского мира, по которой строятся замкнутые миры его «книжных» городов. Повествование в мемуарах начинается с описания Богоявленского прихода и собора — это сакральный центр того мира детства, где он рос, центр Москвы его прошлого. Всячески подчеркнуты изобильность прихода — и людьми, и благами, всячески подчеркивается величина самого собора: свечи пудовые, колокол огромен и звучен, на праздники до тысячи человек собираются в нем. Некоторая гиперболизированность, присущая описанию Богоявленского прихода, придает рассказу эпичность, отчасти легендарность, — так творится миф прошлого, которое кажется в ретроспективе воспоминаний утраченным золотым

веком. Многоцветные картины служб и праздников из воспоминаний детства повторяются также в его художественной прозе: крестные ходы, службы, народные гуляния — эти сцены иллюстрируют «соборную» жизнь Темьяна и Хлынова. Провинциальные городки и храмы из его книг подобны этому главному для него «образцовому» пространству Богоявленского собора и прихода. Описание города у Дурылина невозможно представить без храма или монастыря, организующих его жизнь, а сияющие на фоне синего неба золотые купола и кресты — самые яркие детали пейзажа. Однако сияющие купола церквей — это не только эстетическая доминанта, но и смысловая, бытийная координата в мире Дурылина, надежный остров в зыбком житейском море. Такими предстают в первый раз перед читателем «бабушкин» монастырь и собор в «Сударе-коте»:

«Монастырь был на окраине города. Одноглавый древний собор был почти не виден за высокой стеной; только **золотой** крест с **золотыми** цепями, прикреплявшими его к **синей** главе, **сиял** в осеннем небе **четко и празднично**» [3, с. 252].

Вернувшийся из далеких земель герой повести «все смотрел на хлыновские кресты — как на **заре блестят они огнисто и воздушно** — на небе, прислушиваясь к колокольному звону» [3, с. 313]. Заря и закат в книгах Дурылина стоят обычно в одном ряду со словами, однокоренными слову «золото»: эпитеты, сравнения, метафоры с производными от него напоминают об эффекте, который появляется на восходе и закате солнца, когда лучи золотят своим светом все вокруг, тем самым показывая соприкосновение земного и небесного. На значимость мотива закатного солнца для всего творчества Дурылина указывает А. И. Резниченко [9, с. 255]. Нельзя не вспомнить здесь статью Дурылина «Об одном символе у Достоевского», где он рассматривает символику лучей заходящего солнца в книгах писателя. Важно, что у самого Дурылина речь идет не об отдельных лучах, для его прозы скорее важен блеск солнца, часто — отраженный. У него закатный или рассветный свет солнца отражается в куполах церквей так, чтобы они сияли и горели. Сияние в его прозе — символ божественного света. В «Колоколах» закатное и рассветное «золото» упоминается не раз: «золотился рассвет», «догребали последнее золото на закате», несколько раз колокольный звон уподоблен свету, один из них — момент, когда Влас нашел новый звон, гораздо лучше первых двух, до того прекрасный и совершенный, что он сам ушел вслед за ним:

«...будто тихое глубокое озеро разлилось кругло и широко, и круговую своей, высокою-высокой волною ширилось и льнуло к необычайно светлым высоким берегам, и трепетало **алмазною, слепительно сияющею** гладью, и прибывало, и вздымалось к **белому** нагорью берегов. У Власа захватило дух от радости. Зажмурив глаза от **белого** света, он потянулся за ширящею озерною **алмазною** волною — потянулся всем телом, чтобы волна вынесла его на светлый берег. Звон оборвался и рухнул куда-то с горькой жалобой» [3, с. 474].

Таким образом, дурылинский город соткан из цвета, света и колокольного звона. Это ключевые мотивы, которые повторяются из книги в книгу, благодаря их семантике и семиотике изображение города в дурылинской прозе всегда символично, а не конкретно-вещественно. В его городе мало бытовых деталей и подробностей. Дурылинские города отчасти похожи на красочные картины Лентулова: в них можно узнать яркие пестрые образы храмов и зданий, но нельзя сказать, что эти изображения типичны или историчны, они скорее часть авторского мифа об ушедшей России — мира, хотя и узнаваемого, но больше идеального, чем реального. Это особенно хорошо заметно на фоне предшествующей литературной традиции и рядом с коллективно созданным на рубеже веков полотном «уездного» города в книгах современников писателя: Горького, Замятина и других.

*Провинциальный город в прозе С. Н. Дурылина
на фоне предшествующей литературной традиции*

Русский уездный город в литературе, как правило, не был столь красочным, радостным и светлым, как у Дурылина. Писатель словно не соглашается как со своими современниками, так и с классической традицией. По словам И. В. Мотеюнайте, «Дурылин в „Колоколах“ наследует символизму в поэтике, полемизируя, однако, с оформившейся в начале века традицией изображения героя-жителя глухой провинции» [7, с. 554]. И если «образы уездных и губернских городов, созданные Горьким, Андреем Белым, Ф. Сологубом, Замятиным, — это воплощение дикости, грязи и разврата», то образ провинциального города у Дурылина как несущего на себе печать Града Невидимого спорит с «инферральными локусами провинции А. Белого и Ф. Сологуба» [7, с. 555]. Наиболее контрастными выглядят дурылинские Хлынов и Темьян в сравнении со знаковым для начала XX века городком Окуровым и городком из романа «Колокола» (1925) его современника И. Евдокимова.

Если сравнивать цветовые и звуковые коды у Дурылина с таковыми же горьковскими, то первое на что бросается в глаза, — это мрачность и сумеречность окуровского мира, в повести Горького в первых же строках сообщается, что солнце здесь «тускло», а на протяжении всей повести в тексте доминируют эпитеты «темный», «черный», «грязный», «зловещий», «гниющий». Постоянно упоминаются «тьма», «мгла», «сумерки». Даже зори в Окурове «зловеще багряны, а луна — на восходе — велика и красна, как сырое мясо» [1, с. 7]. Несмотря на явное влияние модернистской стилистики в этой фразе, в остальной повести ее элементы проявляются лишь на уровне таких же ярких отдельных тропов и лейтмотивов, некоторой словесной избыточности, а в целом повествование выдержано в духе реалистической традиции. Так, несколько раз повторяющийся эпитет «гниющий» никогда не носит абстрактного значения, это всегда бытовой запах: болотных трав, пера изношенной постели, мусора — деталей, невообразимых в мире Дурылина.

В «Колоколах» Дурылина цветовые эпитеты и общая атмосфера меняются ближе к финалу. Дни вдруг становятся «бурыми». Если у Горького «тьма», «мгла»,

«сумрак» нависают над городом постоянно, то в Темьяне Дурылина «хмури» приходит с социальными катаклизмами: войной и переворотом. Исчезает керосин, на улицах темнота, и в домах тоже «едва теплятся лампадки». Колокольный звон больше не слышен, появляются редкие звуки фабричных гудков и паровозов:

«Паровозы не жаловались истошными голосами: кричали от боли редко-редко и очень коротко. Фабричные гудки вскрикивали с испугу — и, вскрикнув, точно боялись, что нарушили застоявшуюся тишину, и спешили скорее подчиниться тишине, залепившей весь город» [3, с. 676].

Темные краски, пасмурная погода, угнетающая темнота и давящая тишина, прерываемая «истошными» звуками, становятся знаками наступившего неблагополучия. Утрату колокольного звона, немому колоколов как отрезанность от прежнего мирного течения жизни ощущают все жители города: его жизнь словно прекращается вместе с жизнью колокольной.

В Окурове колокольный звон звучит всего дважды, и это «безнадежный зов», который «робко и жалобно стелется». Зато в городе Горького полно иных звуков, бытовых: постоянный фон окуровской жизни — визг, крик, пьяная ругань, лай и тявканье собак, стук бондарей. Повторы создают устойчивые лейтмотивы на протяжении всего текста, и если в «Колоколах» у Дурылина таким сквозным «аудиомотивом» становится колокольный звон, то в «Городке Окурове» можно выделить другие звуковые рефрены — несколько раз повторяющиеся в связке друг с другом: 1) ветер: он «вздыхает», «шумит», «взвизгивает», «свистит»; 2) лаянье собак, карканье ворон, крик пугача и оглушительный крик галок в финале; 3) трижды на протяжении текста упомянутое «тум-тум-тум!» — «глухие удары бондарей», которыми буквально заканчивается горьковская повесть.

Город Горького звучит зловеще, неприятно, звук идет «снизу», это обыденный городской шум, а его источник — люди, их непутевая суета, враждебные стычки. В самом первом абзаце повести Горький уже обозначает разъединенность людского житья, используя множество слов с приставками «раз-» и «рас-»: «распаханных», «разделила», «разрезав». Его город сразу поделен на две враждующие половины. Если он и похож на крест, то только на «могильный», о чем говорится в первых же строках. Город Дурылина объединяется и окутывается колокольным звоном, как облаком, «сверху», одновременно очищаясь им от житейской скверны.

Роман И. Евдокимова «Колокола. Из хроники 900-х годов», написанный в 1925 и опубликованный в 1926, посвящен картинам быта рабочих маленького неназванного провинциального городка. Действие происходит в рабочей слободе, революционная борьба рабочих перемежается бытовыми и любовными конфликтами. Образцом для романа скорее всего послужил горьковский Окуров, роман Евдокимова написан в русле горьковской реалистической традиции, местами довольно вычурная стилистика напоминает подобные же горьковские «выверты» в «Городке Окурове». Горький отнесся к роману благосклонно и с его легкой руки текст был взят в «Красную новь».

Любопытно, что немалую роль играет в романе Евдокимова образ озера Чарыма. Оно изображается по принципу природного параллелизма: водная стихия всегда реагирует на происходящие в мире события. Озеро в финале дурылинских «Колоколов», конечно, в первую очередь связано с его же переделением легенды о Граде Китеже, однако интересно, что именно Евдокимов в своем романе первым уподобляет колокольный звон дождю и озеру, — образ, который потом будет отточен до приема и превращен в лейтмотив в тексте «Колоколов» Дурылина. Евдокимов завершает роман описанием колокольного звона: главный герой, арестованный и осужденный за свою революционную деятельность, отбывает с другими арестантами на поезде с вокзала родного города под звон колоколов и заводской гудок. Описывая колокольный звон в финале, писатель прибегает к образу красочного весеннего пейзажа, половодья:

«Егора будто качало от звона; качало воздух, здания, небо, землю; и поезд, как длинные плоты на реке, на течении, тоже качался... Отгудели большие колокола, дали дорогу колоколам часовым, подчаскам, повесочным, мелкой колокольной рыбешке... Старики передохнули, разбежалась челядь, изготовилась — и **неумолкающим ливнем колокола брызнули**, понеслись парами, тройками, цугом, шестериками, затрубили певучими трубами облака — и в золотые тарелки ударило солнце... Большаки отставали, запинались, а потом разобрало. **Казалось, над всем городом плескалась, шла валами Чарыма**, плыли колокола-льдины, летали колокола-чайки, рос на берегах кустарник — мелкий колокольник, **на загнутых клювах валов** трезвонили ширкунцы и бубенцы, и сам Никола Мокрый ворчал, ворочая соборным языком» [5].

Фабричный гудок в последнем предложении зовет героя на работу, перекрывая звук колоколов. Гудок звучит и в начале романа, там он «ноет» и в совокупности с уличными «воплями», громкими, не всегда приличными песнями, криками, карканьем ворон составляет звуковой фон романа. В изображении этого рабочего городка, как и в описаниях Окурова, много серого, мрачного, черного. Возможно, Дурылин, своим многоцветием как раз полемизирует с авторами «Городка Окурова» и «Колоколов». В тексте его романа «Колокола» есть некоторые параллели, позволяющие так считать, но также возможно, что он противопоставляет свой образ Незримого Града, прозреваемого в земных городах, всей традиции изображения русской провинции в литературе как мрачного темного царства и «уездной звериной глуши». Дурылин, будучи ценителем прозы Н. С. Лескова [8], ориентировался в своем творчестве прежде всего на его праведников и поэтические описания Старгорода («Соборяне») [7].

Тьма, мгла, грязь, какофонический шум, которые становятся неотъемлемой частью описания городского быта у Горького и его последователей, совершенно отсутствуют в городках Дурылина, где семейные распри заканчиваются мирно, а монастырь или колокольня буквально спасают тех, кто оказывается в непростых обстоятельствах. Так, обманутый муж становится не убийцей, а звонарем; вдовец находит успокоение в звонарном ремесле и тем самым спасается от самоубийства;

в звонари или в монастырь уходит один из лучших городских купцов. Все земные несчастья в городе Дурылина можно разрешить, служа небесному. Социальные конфликты в этом мире сглажены, временное не может одолеть вечного — неважно, зримо оно или незримо: можно снять колокола с колокольни, можно утопить их в озере, но нельзя лишить колокольного звона того, кто слышит его в своей душе. Спасается в мире Дурылина каждый, кто благодаря праведной жизни своей, видит божественный свет, слышит горнее и не отступает от него. Создавая образ провинциального города, писатель прежде всего видит в нем Град Небесный — тот незримый ориентир, очертания которого, нужно лишь уметь прозреть в знаках и символах, заключенных в земных реалиях.

Заключение

Мотивный и семиотический анализ прозы С. Н. Дурылина позволяют выявить в его прозе повторяющиеся в описаниях провинциальных городов мотивы: колокольный звон — это связь земного с небесным, на ту же связь и принадлежность к миру горнему указывают обычно золото, серебро, сияние, а также яркие цвета. Устроены все эти воображаемые города российского прошлого похожим образом: их благостный и обязательно многоцветный облик резко контрастирует с предшествующей литературной традицией изображения русской провинции, например, знаковым «Городком Окуровым» М. Горького, по отношению к которому Дурылин полемичен. У Дурылина земной город, как и вся земная жизнь, всегда отражение небесного, высшего: образец для праведного устройства провинциальных городков — Хлынова, Калуги, Темьяна — град Китеж, что повторено в словесных формулах, эпитетах и сравнениях, которые впервые были найдены писателем в ранней прозе — в «Сказании о невидимом Граде Китеже». Мысль о небесной сути земного облика каждого из дурылинских городков воплощается посредством цветового и звукового кодов. Цветовые и звуковые образы у Дурылина противопоставлены такому же в «Городке Окурове» и аналогичным образам в романе «Колокола» И. В. Евдокимова (1926). Мир городской жизни в прозе Дурылина многоцветен и гармоничен, тогда как в прозе Горького и традиции, следующей за ним, провинция — это «звериная глушь», inferнальная и темная во всех смыслах этого слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горький М. Городок Окуров / М. Горький // Горький М. Собрание сочинений в 30 тт. Т. 9: Повести (1909-1912). Москва, 1957.
2. Дурылин С. Н. В своем углу / С. Н. Дурылин. Москва, 1991. 336 с.
3. Дурылин С. Н. Рассказы. Повести и хроники / Составители А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. Т. 1. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2014. 777 с.
4. Дурылин С. Н. Сказание о невидимом Граде Китеже / С. Н. Дурылин // Дурылин С. Н. Русь прикровенная / публ, сост., фото и вступ. статья — С. В. Фомин. Москва: Паломник, 2000. С. 55-73.

5. Евдокимов И. В. Колокола / И. В. Евдокимов. URL: http://az.lib.ru/e/ewdokimow_i_w/text_1925_kolokola.shtml Дата обращения: 27.08.2021.
6. Мотеюнайте И. В. Юродские слезы, колокольный звон и русская история (о способах символизации в романе-хронике Дурылина «Колокола» на примере образа юродивого) / И. В. Мотеюнайте // Теория, традиции, христианство и русская словесность. Ижевск, 2009. С. 337-357.
7. Мотеюнайте И. В. Бытие или существование? К вопросу об изображении провинциального города / Мотеюнайте И. В. // Памяти А. И. Журавлевой. Сборник статей. Москва: Три квадрата, 2012. С. 554-577.
8. Непомнящих Н. А. Фигура Лескова в рефлексии Дурылина: «писатель-воспоминатель» / Н. А. Непомнящих // Сюжетология и сюжетография, № 1, 2020. С. 104-116.
9. Резниченко А. И. «Об одном символе»: истоки и параллели. Статья 2: Достоевский как символист / А. И. Резниченко // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал, № 3, 2021. 255 с.

Natalia A. NEPOMNYASCHIKH¹

UDC 82:316.3+82.08

THE IMAGE OF THE CITY IN THE PROSE OF S. N. DURYLIN

¹ Cand. Sci. (Philol.), Senior Researcher, Institute of Philology,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk)
alkat@ngs.ru; ORCID: 0000-0001-5958-0554

Abstract

Motivational and semiotic analysis of S. N. Durylin's prose makes it possible to reveal in his prose motifs that are repeated in descriptions of provincial cities: a bell ringing denotes a connection between the earthly and the heavenly; gold, silver, radiance are a sign of belonging to the mountain world, bright colors are a sign of the fullness and prosperity of life, the well-being of the city and its inhabitants. The action in the novellas "Monsieur-cat", "Notes of Yelchaninov" ("The Chamber of My Memory") and the novel "Bells" by S. N. Durylin takes place in small district towns. These cities are arranged in a similar way, their blissful appearance contrasts sharply with the previous literary tradition of depicting the Russian province, for example, the iconic Okurov town by M. Gorky, in relation to which Durylin is polemical. Durylin's earthly city, like all earthly life, is always a reflection of the heavenly, the higher: the model for the provincial towns — Khlynova, Kaluga, Temyan — is the invisible city of Kitezh, the image of which the writer creates back in 1916 in the Legend of the Invisible City of Kitezh. The idea of the heavenly essence of the earthly appearance of each of the Durylin townships is embodied through color and sound codes. Durylin's color and sound images are contrasted with those in the "Okurov Town" written by M. Gorky and similar images in the novel "Bells" written by I. V. Evdokimov (1926). The world of urban life in Durylin's prose is bright, colorful and harmonious, "gloom" and darkness come to cities as a harbinger of trouble and social cataclysms, while in Gorky's prose and the tradition that follows him, the province is a "wild wilderness", dark in all meanings of the word.

Citation: Nepomnyaschikh N. A. 2021. "The Image of the City in the Prose of S. N. Durylin". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 136-149.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-136-149

Keywords

S. N. Durylin, the image of a city, a province in Russian literature, M. Gorky, “Okurov Town”, color symbolism, bell ringing motif.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-136-149

REFERENCES

1. Gorky M. 1957. “Okurov town”. Gorky M. Collected Works in 30 volumes. Vol. 9: Stories (1909-1912). Moscow. [In Russian]
2. Durylin S. N. 1991. In Its Corner. Moscow. 336 p. [In Russian]
3. Durylin S. N. 2014. Stories. Novellas and Chronicles. Edited by A. I. Reznichenko, T. N. Frisky. Vol. 1. Saint-Petersburg: Vladimir Dal. 777 p. [In Russian]
4. Durylin S. N. 2000. “The legend of the invisible City of Kitezh”. Durylin S. N. Closed Russia. Edited by S. V. Fomin. Moscow: Pilgrim. Pp. 55-73. [In Russian]
5. Evdokimov I. V. Bells. Accessed on 27.08.2021. http://az.lib.ru/e/ewdokimow_i_w/text_1925_kolokola.shtml [In Russian]
6. Moteyunaite I. V. 2009. “Holy Fool’s Tears, Bell Ringing and Russian History (on the Methods of Symbolization in Durylin’s Chronicle ‘The Bells’ by the example of the image of the holy fool)”. Theory, traditions, Christianity and Russian literature. Izhevsk. Pp. 337-357. [In Russian]
7. Moteyunayte I. V. 2012. “Being or existence? To the question of the image of a provincial city”. The Memory of A. I. Zhuravleva. Collection of Articles: Three Squares. Pp. 554-577. [In Russian]
8. Nepomnyashchikh N. A. 2020. “The figure of Leskov in the reflection of Durylin: ‘writer-recollection’”. Plotology and Plotography, no. 1, pp. 104-116. [In Russian]
9. Reznichenko A. I. 2021. “‘About one symbol’: origins and parallels. Article 2: Dostoevsky as a Symbolist”. Dostoevsky and World Culture. Philological Journal, no. 3. 255 p. [In Russian]